

УДК 81'23
ББК Ш100.6

ГСНТИ 16.21.29; 14.25.01

Код ВАК 10.02.21; 13.00.02

Гридина Татьяна Александровна,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 281; e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

**ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ СЛОВА И ОСВОЕНИЕ
ОПЕРАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ОНТОГЕНЕЗЕ:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ¹**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: детская речь; языковая игра; тренинги вербальной креативности; семантическая компетенция; словотворчество.

АННОТАЦИЯ. Анализируются факторы, стимулирующие проявление интенции к языковой игре в онтогенезе. Экспериментально верифицируется гипотеза о востребованности операциональной техники языковой игры при решении нестандартных лингвистических «задач». Выявляются лингвокреативные стратегии, используемые респондентами-школьниками в условиях направленной рефлексии над семантикой спонтанных словотворческих инноваций детей-дошкольников. Постулируется идея о необходимости разработки тренингов вербальной креативности с применением психолингвистических методик формирования игровой компетенции.

Gridina Tatiana Alexandrovna,

Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

**LINGO-CREATIVE STRATEGIES OF WORD SEMANTIZATION
AND OPERATIONAL TECHNIQUE OF LANGUAGE GAME ACQUISITION IN ONTOGENESIS:
EXPERIMENTAL DATA**

KEY WORDS: child's speech; language game; verbal creativity trainings; semantic competence; word building.

ABSTRACT. Factors stimulating display of intention to language game in ontogenesis are analyzed. Hypothesis of importance of operational technique of language game in the process of solving non-typical linguistic "tasks" is verified experimentally. Lingo-creative strategies used by pupils-respondents in the condition of directed reflection on semantics of spontaneous word building innovations made by preschoolers are revealed. The conclusion is made of the necessity of introduction of trainings of verbal creativity with the use of psycholinguistic methods of linguistic competence formation.

В сферу онтолингвистики как науки о становлении и развитии речи ребенка в качестве самостоятельной проблемы входит изучение природы детской лингвистической креативности и форм ее проявления в зависимости от сформированности соответствующих компонентов языковой способности. Истоки вербальной креативности лежат в тех практиках речевой деятельности ребенка, которые, с одной стороны, позволяют ему компенсировать недостаток языкового опыта, с другой стороны, проявляют особенности языкового выражения ребенком собственной уникальности (в том числе наличие осознанной установки на игру словом) [4]. Грань между вынужденной креативностью и преднамеренной языковой игрой оказывается в сфере детской речи весьма зыбкой. Возникает вопрос о том, какие факторы способствуют переведению спонтанного навыка использования лингвокреативной техники в осознанную интенцию к языковой игре. Казалось бы, в числе таких факторов в первую

очередь следует выделить возраст ребенка и накопление им языкового опыта (в том числе полученного в процессе школьного обучения языку). Однако еще Б. де Куртенэ, а затем К. И. Чуковский и многие другие исследователи детской речи отмечали тенденцию к затуханию лингвистической креативности при переходе детей от самонаучения языку к его усвоению в рамках школьной программы. Груз познаваемых правил и стереотипов «блокирует» выход в зону потенциальных реализаций системного языкового механизма. Вместе с тем наращивание языковых знаний и расширяющаяся речевая практика, несомненно, способствуют развитию ассоциативной лабильности и операциональных навыков, которые могут стимулировать проявление лингвокреативных способностей детей школьного возраста, в частности способность к языковой игре. Следовательно, для обнаружения интенции к языковой игре весьма актуально обращение к рефлексии школьников начального и среднего звена над формой и содержанием

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-04-00175 «Экспериментальное исследование лингвокреативной деятельности ребенка: игровой потенциал детских словотворческих инноваций».

языковых знаков в условиях направленного эксперимента.

Весьма продуктивным для решения этой задачи является метод психолингвистического эксперимента, опирающийся на показания языкового сознания ребенка и стимулирующий его к эвристическому поиску нестандартных решений. Выполнение предлагаемых респондентам заданий имеет диагностический характер и одновременно выступает тренингом вербальной креативности. В основе эксперимента лежит гипотеза, согласно которой лингвокреативная составляющая детской речи отражает тесное взаимодействие спонтанных эвристик, компенсирующих дефицит языкового знания и опыта ребенка, и преднамеренной интенции ребенка к нарушению языковых конвенций (правил, норм) [5; 4].

В данной статье описываются результаты проведенной нами экспериментальной серии, связанной с диагностикой такого важного критерия вербальной креативности, как семантическая гибкость (этот критерий вербальной креативности предполагает способность определить семантическую функцию (значение) слова и предложить его новую интерпретацию без изменения или с частичным изменением формы слова (образная семантическая гибкость). Наличие нескольких вариантов интерпретации одного и того же словесного знака (спонтанная семантическая гибкость) выявляет разные стратегии его интерпретации, обусловленные актуальными для говорящих ассоциативными аналогиями и способностью к дивергентному мышлению). Школьникам 5-го класса средней общеобразовательной школы (всего в эксперименте приняло участие 50 учащихся 5-х классов школы № 21 г. Каменска-Уральского) предлагалось дать толкования окказионализмов из речи детей-дошкольников; при этом респонденты получали инструкцию привести **любое** возможное (с их точки зрения) объяснение предъявленного стимула (поиграть в игру «Что это слово может называть?»).

Эта процедура соответствует психолингвистической методике прямого толкования, которая выявляет стратегии и способы осмысления знакомого или незнакомого слова на фоне актуальных для респондентов ассоциативных аналогий и сформированности семантического компонента языковой способности (в том числе культурного фона) испытуемых. При проведении эксперимента в качестве стимульного материала респондентам были предложены словотворческие инновации детской речи двух типов – мотивационные и собственно словообразовательные.

К **мотивационным инновациям** мы относим слова-модификаты, созданные

по принципу ложноэтимологической мотивации – сближения узуального слова с актуальным для ребенка мотиватором (как правило, неродственным) и внесения нового «корня» в модельную сетку слова. При этом реноминация может иметь как рациональный, семантически обусловленный, так и парадоксальный характер, когда ассоциативная связь между соотносительными лексемами устанавливается исключительно по формальному (звуковому) сходству, часто весьма приближительному (см. об этом: [2; 1]). **Словообразовательные инновации** детской речи отзеркаливают существующие в языке и отрефлексированные сознанием ребенка способы и модели «конструирования» новых слов. Потенциальность детских словообразовательных инноваций (их системная предсказуемость) [6] сочетается с идиоматичностью их семантического наполнения, отражающей детскую ментальность [5].

Прокомментируем полученные результаты с точки зрения использованных респондентами стратегий семантизации стимульных слов и их игрового потенциала. В скобках приведен индекс частотности полученных реакций.

Акулист – врач (6); окулист; это врач, который проверяет глаза/зрение (2); врач, лечащий глаза/зрение; глазной, смотрит; *глаза акулам лечит*; врач, лечит зубы; акула (10), от слова «акула», зубы акулы лечит; тот, кто придирчивый; кулон сделал.

Комментарий. В основе исходной детской инновации лежит ложноэтимологическое сближение *окулист* с *акула*: врач, который лечит глаза акулам (в больнице услышала слово «окулист». Спрашивает маму: – Он акулам глаза лечит? (Настя, 5 л.). Реноминация имеет парадоксально-прогностический характер, связанный со стремлением «прояснить» связь звучания и значения слова, которое воспринято ребенком на слух (ср. омофоническое тождество начальных сегментов в словах «АКУЛА» и «[А]КУЛист»). Толкования школьников обнаруживают осознание ими прототипа *окулист* в значении «глазной врач». Вместе с тем написание *окулист* с начальным «а» многими детьми не воспринимается как ошибка, поэтому не всеми респондентами считывается связь со словом *акула*. Наряду с *окулист* (глазной врач) отмечается расширительное толкование – без учета специализации слова, только по родовому признаку (*врач*) и одновременно со смещением со словом *стоматолог* (зубной врач). Однако ассоциация с *акула* наиболее частотна, есть прямые указания на связь *акулист* со словом *акула*. Закономерна ситуативная актуализация значения «врач, который лечит акул» и соответственно «тот, кто у аку-

лы *зубы* лечит», ведь акула – хищная рыба с острыми зубами. В зоне периферии оказываются толкования на основе семантического признака *смотреть* «осматривать» (о враче), получающего оценочную характеристику «придирчивый», и единичная паронимастическая ассоциация по созвучию – *окулист с кулон* («тот, кто делает кулоны»). Несмотря на то что условность (произвольность и допустимая вариативность) толкований детских инноваций изначально задана структурой, в большинстве случаев вряд ли можно говорить о преднамеренной установке респондентов на языковую игру (даже совпадение с исходным значением стимульной инновации не сопровождается осознанием ее парадоксальности). Как потенциальные игремы (термин *игрема* («продукт» языковой игры, полученный в результате применения особой лингвистической техники деавтоматизации ассоциативных стереотипов) наш (Т. Г.) Ср. также термин *игровая трансформация* [3]) выступают разве что варианты «тот, кто делает кулоны» (возможно, из акульих зубов) и «придирчивый» (с повадками акулы человек).

Безбардак – не порядок, беспорядок, беспорядок, когда нет порядка, бардак (4); большой бардак, бардачина; безобразия; мусор в комнате, мусор (3); разбросано, все разбросано (2); грязь; *бардак не бардак*, нет бардака (3), порядок (2); уборка, чистота, аккуратно, чистая комната, чисто; дом, здание; я, человек; тот, у кого всегда порядок; бард, баран; *омега* (буква).

Комментарий. В исходном значении детская инновация выступает как контаминация слов *беспорядок* и *бардак* (тавтологическая экспрессема). В экспериментальных условиях наметились следующие стратегии толкования: 1) синонимизация с *беспорядок* или *бардак*; при этом маркируется интенсивность проявления признака (*большой бардак*), отрицательная оценка (*безобразия*); 2) конкретизация значения через указание на атрибуты бардака, беспорядка: *мусор в комнате, все разбросано, грязь*; сюда же можно отнести указание на локусы порядка и беспорядка – *дом, здание*; 3) антонимизация с узуальным *бардак* (при актуализации значения приставки *без-*: «отсутствие того, что названо мотивирующим словом»): *нет бардака, порядок*. Промежуточным (переходным) звеном в этом ряду оказывается толкование *бардак не бардак*. Соответственно так же, как и в первом толковании, отмечаются ассоциативные «атрибуты» порядка: *уборка, чистота, аккуратно, чистая комната, чисто*; 4) паронимастическая (формальная) актуализация значения: *бард, баран*; 5) индиви-

дуальная (произвольная) стратегия толкования – условное символическое отождествление слова с названием одной из букв греческого алфавита (омега); очевидно, это представлялось респонденту оригинальным (он так же, с помощью букв греческого алфавита, кодировал и все остальные слова-стимулы); 6) антропонимизация – характеристика аккуратного человека (*безбардак* – «тот, у кого всегда порядок»); переключение предсказуемого толкования в новое семантическое русло (по метонимическому и/или оценочному принципу) соответствует игровому принципу ассоциативной провокации.

Блестярики – блестяшки (6), блеск (2), блестячка, блестяшки, блестят, блестящее, блестящие, блестящие предметы, блестящее что-нибудь/что-либо; алмазы, украшения, наклейки, шарики, стекло, стразы, финтифлюшки, стикеры, бисер; что-нибудь яркое, они яркие, *речи, солнце*; это может быть *человек наряженный, счастливые люди, дети; люди, которые много думают о себе*; здесь.

Комментарий. Толкования имеют широкую зону референции, связанную с наличием у обозначаемых признака «блестящий», и отражают особенности лексической и структурной мотивированности слова, к которым относятся: 1) идентификация с однокоренными существительными иной структуры: *блестЯШКи, блестяЧКи* (при сохранении семантики уменьшительности, свойственной суффиксу *-ик*); 2) опора на прямое значение мотиватора с выходом в сферу конкретных предметных номинаций (*блестящее что-нибудь* – блестяшки, украшения, алмазы, стразы, стикеры, бисер, стекло; *нечто мелкое и яркое* – безделушки, игрушки – наклейки, шарики, финтифлюшки); 3) оценочная актуализация переносного значения мотиватора с выделением признака «яркий» применительно к человеку (*наряженный человек*), ср. метонимическую связь ассоциатов *блестящий – яркий – броский – выделяющийся из толпы* (люди, которые много думают о себе) и *яркий – светящийся* (солнце) – *счастливые люди, дети*). Установка на языковую игру в толкованиях третьей группы проявляется в изменении вектора актуализации с прямого значения на переносное (с явным увеличением индекса оригинальности).

Болетка – туфля (8), балет (4), обувь (2); пуанты (2), туфли, туфли без каблука, маленькая туфля, чешки, тапки; тапка для танцев, тапочка для балета, снаряжение участника балета; балерина, девушка-балерина; платье, нога, бал; болеет, тот, кто болеет, болит, боль, болезнь, здоровье, таблетка, *таблетка от боли*; самостоятельная (работа); лето, *эта* (буква греческого алфавита).

Комментарий. *Болетка* (в живой детской речи) – результат ложноэтимологического сближения слов *таблетка* и *болеть* (буквально «таблетка от боли»). Толкования этой инновации в условиях эксперимента распределяются в зависимости от устанавливаемой респондентами мотивационной связи: 1) омофоническая идентификация с формой ед. ч. *балетки* – «балетные тапочки» (актуализирована мотивационная связь слова-стимула с *балет*, причем написание *болетка* при соотнесении с мотиватором *балет*, очевидно, не осознается как ошибочное – или орфография при выполнении экспериментального задания «игнорируется» респондентами); сюда же можно отнести толкования денотативной категории «обувь и ее разновидности» (по форме, назначению, размеру) – *туфля/туфли, маленькая туфля, туфли без каблука, чешки, тапка для танцев* и т. п.; 2) синонимическое соотнесение *болетка* с *балерина* (по аналогии с номинациями той же структуры типа *акробатка, гимнастка* и т. п.); 3) ассоциативное сближение *болетка* с *бал* и *балет* (по звуковому сходству и/или по ситуативному принципу (на балу танцуют), ср. также ассоциаты *нога, платье*); 4) толкование через мотиватор *болеть*, обнаруживающее совпадение с исходным значением детской инновации: считан прототип *таблетка* и актуализированы однокоренные ситуативные ассоциаты *боль, болит, болезнь* (ср. антоним *здоровье*); 5) формальные аналогии по частичному созвучию: *болетка* – лето, эта (буква); 6) единичная реакция, актуализирующая переносный смысл мотиватора *болеть* (ср. «переживать, волноваться»): *самостоятельная* (работа). Пожалуй, эту реакцию можно рассматривать как оригинальную в плане предсказуемости (ср. оригинальность как критерий креативности, основанный на способности устанавливать отдаленные ассоциации, в данном случае языковые).

Быстряк – быстрый (10), очень быстрый, тот, кто быстрый, быстрый человек; очень быстро (2), по-быстрому, скорость; первый; быстрый *аппарат*; заяц (3), бег, танец, язык, музыка, конь, крыса, быс, черепаха.

Комментарий. Толкования слова выявляют его потенциальную экспрессивную семантизацию (в опоре на мотивационное значение и форму слова). Актуализаторами семы интенсивности в значении мотиватора выступают ассоциаты *скорость* и наречия *очень быстро, по-быстрому; быстряк* в значении «танец» антонимически отзеркаливает разговорную (преимущественно функционирующую в молодежном жаргоне) одноструктурную узвальную экспрессему *медляк* (медленный танец); ср.

быстряк – музыка (быстрая); язык (очевидно, быстрый темп речи). По тому же признаку происходит соотнесение номинации с образом животного: *заяц, крыса*. В данном ряду явно иронический характер имеет толкование *черепаха*, образу которой, как известно, приписывается символика медлительности. Игровой эффект моделируется по принципу ассоциативного контраста. Толкование «первый» применительно к *быстряк* (о человеке) имеет одновременно прямой и переносный смысл: тот, кто опережает других (в скорости), и тот, кто является *лучшим* (обошедшим других) в каком-то деле. Принцип ассоциативного наложения создает потенциальную игровую (ср. *шустряк, шустрить, пошустрить* как экспрессымы разговорной речи и молодежного жаргона).

Ввиду ограниченности объема статьи далее приведем только некоторые варианты толкований школьниками предложенных стимульных слов, которые обнаруживают тенденцию к намеренно игровому (условному) переключению ассоциативных стереотипов их восприятия и выявляют лингвистические механизмы осмысления мотивированного потенциального (оказионального) слова. Первым приводится «угаданный», совпавший со значением словотворческой единицы детской речи вариант толкования (он выделен полужирным курсивом), далее – оригинальные варианты семантизации того же слова.

Буквашки – **буквы** (6), **маленькие буквы, буковки** (2); буквари; первоклашки; русский (предмет в школе?), буки. В представленных креативных толкованиях актуализированы ситуативно-метонимические ассоциации (*буквы* – *букварь* – *учиться по букварю* – *писать* – *первоклашки* – *русский язык*) и коннотация уменьшительности, заданная суффиксальным оформлением слова-стимула (ср. ассоциаты *маленькие, дети, буковки*). Вариант *буки* (из сферы детского фольклора, сакральный мифический персонаж) имеет, очевидно, шуточный характер (потенциальное углубление игрового смысла этого толкования возможно при соотнесении с *буки* (названием буквы кириллического алфавита)). Но это уже задача тренинга – с расширением зоны культурного фона в ассоциативном контексте слова), что позволяет говорить об осознанной игровой интенции респондента.

Головокружилка – **карусель** (8); вскружение головы (о том, кто зазнается); егоза, юла (девочка-вертушка); скукота; голволомка. Помимо исходного значения детской инновации, актуализирована коннотативно-оценочная семантика внутренней формы слова: синонимизация с *егоза*,

юла по признаку *вертеться* (ср. *юла* в прямом и переносном значении); отождествление с разг. экспрессивной *скукота* по признаку «отторжения» умственных усилий, доводящих «до головокружения» (ситуативная привязка к скучному, надоевшему, утомительному занятию); семантический коррелят *головомка*, возможно, имеет двойной – прямой («головная боль») и переносный («трудная задача») смысл, что создает эффект *ассоциативного наложения* как основу языковой игры.

Заблудинка – тропинка (3); лабиринт (4); человек, который заблудился (2), лес (5); заблуждение (3), *блудный сын*; *зубрилка*. В числе несовпадающих с исходным вариантом «реакций» особо отметим прецедентное толкование *блудный сын* (при дополнительном опросе было установлено, что приведший это толкование школьник 5-го класса знаком с содержанием библейской притчи о блудном сыне). Эффект языковой игры создает и стилистический контраст при отождествлении слова-стимула с однокоренным узуальным существительным *заблуждение* (в значении «ошибка»). Сближение *заблудинка* с одноструктурным разговорным *зубрилка* в опоре на переносное значение глагола *заблудиться* создает потенциальный эффект языковой игры¹ по принципу *ассоциативной выводимости* (буквально «тот, кто затрудняется в объяснении того, что зазубрено без всякого понимания»).

Звонофон – телефон (6), *телефон, который звонит*, айфон, домофон; бабушка (комментарий школьника: «Часто звонит мне»), человек, который постоянно говорит по телефону; кубок за песню. Основные векторы мотивационной выводимости значения слова-стимула связаны с номинацией аппаратов для телефонной связи и характеристикой человека, активно пользующегося телефоном (ситуативно актуализирован ассоциат *бабушка*). Наиболее оригинален ответ «кубок за песню», где слово-стимул вводится в новый ассоциативный контекст (очевидно, срабатывает аналогия с названием конкурса песни «Золотой граммофон»).

¹ О потенциальном эффекте языковой игры мы говорим в том случае, когда развернутый комментарий значения слова-стимула в ответах школьников отсутствует, что не позволяет судить о глубине ассоциативного контекста (например, об актуализации переносного значения в предложенном толковании). В частности, ассоциация *заблудинка* с *зубрилка*, возможно, обусловлена только структурным подобием; не исключено также, что толкование *заблудинка* через однокоренной коррелят *заблуждение* связано и с прямым значением мотиватора *заблудиться* (это может быть, в частности, результат омонимического словообразования или непреднамеренное «игнорирование» школьником переносного смысла слова). Однако уже сам факт таких сближений способен вызывать у более компетентного носителя языка (в том числе в ходе более углубленно направленной рефлексии над содержанием слова) осознание эффекта языковой игры.

Зналка – умная девочка; девочка, которая знает все; отличница; тот, кто в школе учится на одни пятерки; тот, кто все знает (2), человек, который много всего знает (2); *знайка* (4), *знай*, *всезнайка*, *всезналка*; *умник*, мультяшный герой в «Незнайке»; *знание* (4), литература, книга (2), *смекалка*, *гадалка* (2). Обращают на себя внимание толкования через однокоренные слова, создающие креативное поле кодироватов: ср. *всезналка* (наряду с узуальным *всезнайка*), *знай* (наряду с узуальным *знайка*); слову *зналка* приписывается значение общего рода (ср. *отличница*, *умник*, *та и тот, кто много знает*). В игровом регистре может быть востребована также синонимизация разноструктурных и стилистически разнородных *зналка* и *знание*. Актуализирован также вектор «источник знаний» – литература, книга. Несомненно оригинальны толкования *смекалка*, *гадалка*.

Далее в порядке информативного перечисления приведем заслуживающие внимания с точки зрения проявленных игровых векторов толкования еще нескольких стимулов: **контролюга** – контрольная (работа); наблюдательница; мама, папа, человек-контроль (ср. человек-паук), вредный контролер, учитель, *полицейский* (контаминация слов *полицейский* и *милиционер*); **кукарекушка** – курица (9), петух, курятник, звонок, будильник; **луноходы** – сапоги (ср. сказочную аналогию *сапоги-скороходы*), кроссовки; ракеты, корабли в космосе; лунные самоходы, машины, исследующие Луну; лунные хороводы; **меховик** – куртка с мехом (ср. *пуховик*), меховой воротник; одеяло, ковер (ср. *половик*); медведь; кто-то пожилой (ср. *старик*); **накомпотить** – сварить компот, заработать, накопить денег; о том, кто «ловит информацию компом»; **писало** – ручка, перо, карандаш, кисть; ручонка, рука пишущего; писатель; листок, лист, письмо; кидало (тот, кто написал плохое про своего друга); **плаки** – слезы, младенцы, плаксы; платки, плач.

Для сравнения приведем результаты пилотного эксперимента по произвольному толкованию теми же респондентами узуальных слов, что должно (при знании детьми значений этих слов) создавать естественный «барьер» для переключения стереотипа и требует больших лингвокреативных усилий, чем при семантизации слова с «неопределенным» денотатом. Ср., например: **валенки** – дети, не умеющие ходить (те, кто часто падает); **водолазка** – закрытый купальник; **ворон** – вор он, невнимательный человек (ср. *ворона*); **всадник** – что-то сажает, в саду работает, ребенок в садике; **вязанки** – спицы, вязальщицы, соревнования по вязке; **горчица** – кто

горюет, та, что огорчается, плачет от горя; **грабитель** – работает граблями; кто гребет (гребец); раб; **дневник** – лицо ученика, обед (ср. *утренник, завтрак*); **искусница** – кузница, художница, кусачая собака; **мокрица** – человек под дождем, роса; промокашка, плакса; **начальник** – первоклассник; **пахарь** – запах духов; **почитатель** – читатель; **распутник** – спутник, запутник, заблудившийся человек (стоит на распутье); **спальник** – кровать; спальня, ночник; сонник, засоня; **сыроежка** – сырая еда, сыроед; **часовня** – часовой, час; **язычница** – язык, девушка с длинным языком (сплетница), болтушка; гадалка.

Как видно из приведенных примеров, операциональная техника нестандартных толкований узуальных слов связана прежде всего с актуализацией и обыгрыванием их внутренней формы (т. е. соответствует конструктивному принципу ассоциативной выводимости на базе мотивационной рефлексии и актуальных для ребенка-школьника фонетических, структурных и смысловых аналогий), для чего используются: **паронимическая подмена**, вызывающая переключение денотативной отнесенности слова через ситуативную привязку (см. *валенки от валать* «скатывать шерсть» и от *валиться* «падать» – о маленьких детях, не умеющих еще ходить); структурным аналогом выступает, очевидно, само слово **ребенок**; **произвольное омофоническое членение слова** как прием языковой игры (*ворон – вор он*); **парономастические подмены** (*искусница – кузница*); **ложная этимологизация** (сближение генетически неродственных слов или однокоренных слов, разошедшихся по значению): **пахарь** – запах духов (сближение *пахать* и *пахнуть*); **искусница** – кусачая собака, всадник – в саду работает (садовод), ребенок-детсадовец; **распутник** – путник, на распутьи, начальник – первоклассник.

Востребована школьниками и **техника переключения прямого и переносного значения, столкновение значений однокоренных слов** (*читатель – почитатель, горчица – огорчиться*). Однако самой популярной лингвокреативной стратегией семантизации слова как в до-

школьном, так и в школьном возрасте является **расширение потенциальной сферы денотации и референции мотивированного слова** (при опоре на собственный языковой и когнитивный опыт): по ситуативно-метонимической связи с выведенным мотиватором (водолазка – закрытый *купальник*); по ассоциативной генерализации (наличию, нахождению) общего признака, названного мотиватором, у ряда разных предметов, явлений (вязанки – *спицы, соревнования по вязке, вязальщицы* и др.). Нередко срабатывает при новой семантизации слова фактор образной аналогии и фактор культурного фона (*язычница – длинный язык, болтушка, сплетница, гадалка* и др.).

Таким образом, экспериментальная гипотеза о том, что осознанная интенция к языковой игре может быть стимулирована процедурой направленного поиска нестандартного решения в процессе считывания значений словотворческих инноваций, получила подтверждение. Суммируя сказанное, констатируем следующее:

1. Одним из проявлений вербальной креативности является семантическая гибкость, позволяющая ребенку наполнять актуальным смыслом готовые языковые структуры и/или адаптировать (частично модифицировать) форму узуального слова применительно к собственному пониманию.

2. Семантизация окказионального слова предполагает считывание механизма его образования (при опознании структуры и значения прототипа в новом ассоциативном контексте).

3. Намеренно игровая семантизация узуального слова зависит от сформированности метаязыковой компетенции школьника и способности к переключению ассоциативных стереотипов на фоне всплывающих аналогий.

4. Переход от буквального к условному принципу семантизации слова (как узуального, так и окказионального) создает прецедент осознанной языковой игры.

5. Необходима разработка специальных тренингов вербальной креативности с применением психолингвистических методик диагностики и стимулирования игровой компетенции школьников (с учетом разных аспектов восприятия и порождения игры).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гридина Т. А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2006.
2. Гридина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.
3. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество : моногр. Екатеринбург, 1996.
4. Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива – 1 : коллективная моногр. 2-е изд. / отв. ред. Т. А. Гридина ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. С. 5–59.
5. Гридина Т. А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива – 2 : коллективная моногр. / отв. ред. Т. А. Гридина ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2012. С. 5–33.
6. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М. : Знак, 2009.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. Н. И. Коновалова.